

№ 348 (40-е–70-е гг. XIII в.; В 18) [Г]. В издании о грамоте сказано: «Это лист бересты, сохранившийся целиком, но судя по оборванности первого слова, он составлял часть документа, написанного на нескольких листах бересты» (НГБ-VI: 32). Слово, оборванное в начале грамоты, А. В. Арциховский восстановить затруднился, допустив, что это могла быть форма *цетверетьнихо*. В ДНД принята характеристика грамоты как непервого листа берестяного документа, а фрагмент *...ретьнихо*, с пометой «ненадежно», помещен в указателе в статью *четвертний*.

Прилагательное *четвертний*, казалось бы, неплохо подходит к содержанию документа, представляющего собой роспись крестьянского оброка, измеряемого в четвертях (последнее слово употреблено в грамоте двадцать раз, в самых разных орфографических вариантах — от *цетверети* до *цетре*). Можно было бы подумать, что речь идет о «четвертном хлебе», упоминаемом в крестьянских челобитных XVII в.⁴, однако данное понятие соотносится с четвертью как мерой пашенной земли, а не хлеба. С другой стороны, кажется в высшей степени странным, чтобы именно это слово, которое, по логике вещей, могло бы открывать следующий далее перечень «четвертей», оказалось разорванным при переходе на новый лист. Да и сам по себе такой переход, сопровождаемый переносом словоформы, выглядит довольно сомнительным: все другие грамоты, представляющие собой непервые листы берестяных документов, начинаются с целых слов. Наконец, если *...ретьнихо* — это обрывок (*цетве*)*ретьнихо*, приходится допускать, что данным словом, единственный раз во всей грамоте, *ы* заменен на *и*. Все это заставляет искать решение, при котором эта буквенная последовательность трактовалась бы как целая словоформа.

Теоретически возможны два таких решения. Во-первых, *ретьнихо* (*ретнихъ*) можно понять как форму Р. мн. прилагательного **ретний*. Структура текста в таком случае была бы следующей: «Ретних» (четвертей): у Тудора и у Ильи — 4 четверти, у Милошка — четверть и т. д.⁵ Поиск в этом направлении приводит к кое-каким результатам. Возможно, например, связать данное прилагательное со словом *реть* ‘суд’, засвидетельствованным Слов. XI–XVII (22: 147). Однако предположение, что в грамоте перечисляются некие судебные пошлины, взимаемые четвертями хлеба, кажется исторически маловероятным.

Вторая возможность заключается в том, что *Ретьнихо* — это форма беспредложного местного падежа топонима *Ретни*, соотносимого с ед. числом **Ретень*. При таком допущении начало грамоты демонстрирует ту же структуру, что и № 789: *Шидовицихъ ж Домана ж Тоудорова изгоя 10 коунъ*.

Проверка этой версии приносит желаемый результат. В современной топонимике Новгородчины и новгородских писцовых книгах обнаруживается сразу несколько деревень и сел с подходящими названиями. Это, во-первых, село Ретени на р. Плюссе в бывшем Хмерском погосте. В писцовых книгах название его варьирует: *Ретень* ~ *Ретени* ~ *Ретини* ~ *Ретня*⁵. Второй населенный пункт с тем же названием — с. Ретно в Солецком р-не, расположенное на одноименном озере. Последнее в писцовых книгах носит название *Ретень*, а село, бывшее центром Ретёнского погоста, упоминается как *Ретень* и *Ретня*. Наконец, ближайшей к Новгороду была д. Ретень, локализуемая в Ильменском Поозерье (см. Анкудинов 2007: 288–289).

Из перечисленных пунктов наименее вероятным претендентом на идентификацию с Ретенями грамоты № 348 кажется Ретень в Поозерье. По данным И. Ю. Анкудинова, это было крохотное земельное владение, меж тем как в грамоте перечисляются сборы с двадцати крестьянских хозяйств. Такая характеристика более подходит для центра погоста, склоняя выбор в пользу села в Солецком районе. Тот факт, что форма мн. числа *Ретени* фиксируется только для села в Хмерском погосте, этому не противоречит: варьирование форм морфологического числа — явление для ойконимов обычное. Примером может служить волость *Буици*, выступающая с этим названием в Мстиславовой грамоте 1130 г., а из писцовых книг известная как *Буец*.

Установить морфологический род названия *Ретень* по писцовым книгам невозможно, однако название д. Ретнево в Свердловской области, а также фамилия Ретнев указывают на мужской род производящего слова. Форма *Ретьнихо* (*Ретнихъ*) демонстрирует, как и *Шидовицихъ* из № 789, древнейшую флексию М. мн.

⁴ <http://sevsk32.ru/bylinspact/8/50/>

⁵ См. исчерпывающую подборку данных на сайте «Плюсский край»: http://plussa-region.narod.ru/library/archiv/spisok_hmer.htm

jo-основ. Для грамоты XIII в. это не анахронизм, ср. во *Доброкостечихо* в № 614 (посл. треть XIII в.). Что, однако, выбивается из лингвистической хронологии — это использование беспредложного локатива, не представленного в других грамотах позднерусского периода, за исключением № 2, где данное явление объясняется, по-видимому, субстратным влиянием (Попр.-IX: 125); ср. пример из № 614, где предлог имеется. Можно указать по крайней мере три обстоятельства, которые могли вызвать эту аномалию. Во-первых, как и в № 2, сохранение беспредложной модели может объясняться влиянием субстрата. Прибалтийско-финские говоры, конечно, не господствовали в районе Ретенского погоста, как это было в восточном Обонежье, откуда происходит грамота № 2; однако они были, безусловно, представлены и здесь, в количестве, достаточном для проявления субстратных черт в языке русского населения (ср. явно субстратную по происхождению мену глухих и звонких в грамоте № 614, написанной на юге Бежецкой пятины [ДНД₂: 500]). Во-вторых, А. А. Зализняком уже была отмечена архаичность антропонимов, выступающих в грамоте № 348 (17 из 20 имен — дохристианские, причем построенные по старым моделям). Особенно показательно присутствие в грамоте имени *Тудор*: эта его фиксация отстоит от семи остальных, ограниченных рубежом XII/XIII вв., на точно такой же хронологический интервал, какой отделяет беспредложный локатив *Ретьнихо* от его ближайшего предшественника в грамоте Ст. Р. 31 (*Коломене*). Можно думать, что мы имеем дело с крестьянской средой, консервативной как в культурном, так и в языковом отношении. Наконец, следует заметить, что, в отличие от грамоты № 614 и подобных ей перечней, в которых представлены целые ряды предложных локативов, в грамоте № 348 в местном падеже без предлога стоит единственный топоним, открывающий текст. В нем, единственный раз в грамоте, сохранен (по крайней мере на письме) слабый редуцированный в суффиксе, отсутствующий в четырех других примерах, а в этом слове обозначенный к тому же буквой ъ, более в документе не встречающийся. Похоже, что форма *Ретьнихо*, без предлога и с древним окончанием, — была для писавшего документ местного жителя традиционной. Подобным образом новгородские летописцы первой половины XIII в. продолжали по инерции употреблять формы *Новѣгородѣ* и *Кыевѣ*, в то время как другие топонимы, для которых стереотип написания отсутствовал, уже употреблялись ими исключительно с предлогом (ДНД₂: 161).

Название *Ретень/Ретни*, очевидно, — славянское и может быть сопоставлено с именем *Рьтъко* (или *Ретько*) из грамоты № 905 (посл. треть XI – нач. XII в.). Для последнего А. А. Зализняк допускает связь с глаголом **rѣt-*, предположительно отразившимся в слове *рѣтуть* < **rѣtŏtь*, и с *реть* ‘распря, свара’ (ДНД₂: 248). Интересно отметить, что все три новгородских села с таким названием находятся на территории Шелонской пятины.

№ 349 (кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.; В 19) [3]. После *5 коуно* и автор вначале ошибочно написал *гривне*. Далее в этом *гривне* конечное *e* было не просто зачеркнуто (как предположено в ДНД₂), а переправлено в *a*: сильно наклоненная влево буква *a* (с характерным отворотом в низу спинки) наложена на *e*. Так что следует читать *гривна*. После этого слова, по-видимому, имелась еще и точка.

Слово *порома* в начале первой строки читается полностью; а перед ним еще можно усмотреть буквы ...[с]ѣ.

Верхушки букв перед :Ѡ: *гривоно* допускают реконструкцию ...[жике].

Приводим текст грамоты с указанными уточнениями:

(...) ...[с]ѣ порома :Ѡ:Ѡ: коуно во плото на соли :Ѡ: коуно и гривна • на рѣбахо семница а на церевахо :Ѡ: коуно к[... ..[жикѣ] :Ѡ: гривоно • бе :Ѡ: коуно

В ДНД₂ (с. 491) в тексте грамоты, к сожалению, по недосмотру пропущено слово **семница** (вместо него осталось только одно **а**).

№ 350 (2 треть XIII в.; В 10) [3]. В *о матери* ‘от матери’ над *о*, возможно, имелось прочерченное тонкими штрихами *m* (в надстрочном варианте, как в *ѡ*). Но надежно установить это ныне уже не удастся.

№ 351 (кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.) [3]. В первой строке имя **дѡшила** читается полностью.

В нижней строке после **степан[ѣ]** • прочитывается: [зѣмла].